

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Алтайский миссионер

Святитель Макарий, в миру Михаил, родился 1 октября 1835 г. в селе Шапкино Ковровского уезда Владимирской губернии. Происходил из очень бедной многодетной семьи церковного причетника Андрея Парвицкого. В 1843 г. семья оставила родные места и отправилась в Сибирь — в Тобольск. Михаил поступил в Тобольскую Духовную Семинарию, там получил фамилию Невский. Окончив в 1854 г. семинарию, Михаил пожелал посвятить жизнь миссионерству среди непросвещенных народов России. После беседы с одним из своих родственников он решил избрать миссионерское служение среди коренных народов Алтая. В то время там проживали несколько тюркоязычных племен со своими языками и обычаями, обобщенно именовавшихся алтайскими «татарами» или «калмыками». Только в XX в., во многом благодаря деятельности Алтайской духовной миссии, произошла консолидация алтайских этнических групп в единую народность.

В 1855 г. Михаил поступил на службу в Алтайскую духовную миссию в должности учителя и сотрудника миссионера. Под руководством опытного алтайца-переводчика М. В. Чевалкова (впоследствии стал протоиереем) овладел алтайским языком (телеутским наречием). В 1861 г. Михаил был пострижен в монашество с именем Макарий в честь прп. Макария Великого и в память основателя Алтайской миссии архим. преп. Макария (Глухарёва).

В должности миссионера свт. Макарий обучал детей алтайцев и их детей церковному пению, читал им Жития святых, вел духовные беседы с новокрещеными, толковал им церковные книги. По воспоминаниям одного из алтайцев, «когда о. Макарий был у нас миссионером, он в вечернюю пору всегда приходил в нашу юрту со своими научениями. Ребят у нас было много, бывало, он придет в юрту нашу, нас всех посадит к огоньку и начнет с нами занятия. Почитает, заставит петь молитвы. Попоем, станет опять учить, как надо крестное знамение творить, как поклоны класть... Часто он бывал: на неделе раза два-три обязательно придет...».

Миссионерское служение алтайского благовестника не ограничивалось духовно-просветительной деятельностью и совершением богослужений. Помогая новокрещеным алтайцам в переходе к оседлому образу жизни, о. Макарий учил их пахать землю, сеять хлеб, строить избы. Он постоянно проявлял заботу о здоровье своих пасомых, лечил больных, видя в медицине одно из средств завоевания сердец и расположения инородцев.

Переводы и издания

Важнейшей стороной миссионерского служения свт. Макария была его переводческая и издательская деятельность. Приступив к служению в миссии, он хорошо освоил алтайский язык и серьезно занялся переводами. С самого начала свт. Макарий и его сподвижник прот. М. Чевалков заложили принципы, которым они неуклонно следовали в дальнейшем: «Перевод на одно из алтайских наречий (телеутское), но с выбором таких слов и оборотов, которые делали бы переводимое понятным алтайцам, говорящим и на других наречиях; изучение духа и конструкции алтайского языка, его внутреннего и внешнего склада, чтобы перевод воспроизводил в уме инородца те же мысли и чувства и в том же порядке и направлении, в каком русский текст воспроизводит в уме русского; свободное творчество в создании новых слов и в установлении христианской терминологии на алтайском языке, понятном инородцам, и в то же время не напоминающей им прежних образов языческой веры». Чтобы подыскать и ввести в употребление какой-нибудь новый термин, свт. Макарий нередко нарочно отправлялся на несколько недель и даже месяцев в отдаленные захолустья Алтая и только путем многих бесед с различными инородцами, после убеждения, что для обозначения известного христианского понятия подходит и для всех инородцев ясно то, а не другое выражение, приходил к принятию и употреблению выбранного слова.

Трудами свт. Макария были изданы на алтайском языке книги «Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа», «Беседы готовящемуся к Святому Крещению: об истинном Боге и истинной вере», «Евангелия воскресные (утренние), на двенадесятые праздники и Страстную седмицу», «Последование Часов», «Исповедь», «Избранные места из Евангелия», «Литургия св. Иоанна Златоустого», «Чинопоследование Святого Крещения», «Учебный Часослов», «Правило для готовящихся к Святому Причастию», «Требник с дополнениями» и многие другие.

В 1868 г. в Санкт-Петербурге была напечатана первая алтайская азбука («Букварь для обучения детей крещеных алтайских инородцев церковному и гражданскому чтению»), подготовленная свт. Макарием. В июле 1868 г. свт. Макарий был направлен в Казань для участия в доработке и подготовке к печати краткой грамматики алтайского языка. Доработка была поручена Синодом академику Н. И. Ильминскому, а тот пригласил для этой цели свт. Макария, который, по мнению профессора, в совершенстве владел алтайским языком. Грамматика алтайского языка, снабженная русско-алтайским и алтайско-русским словарями, была напечатана в 1869 г. в типографии Казанского университета. Этот труд положил начало изданию других трудов алтайских миссионеров и научных грамматик тюркских языков народов России в целом.

Архиерейское служение в Томской епархии

В 1884 г. свт. Макарий был хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии, с сохранением должности начальника Алтайской Духовной Миссии. Под руководством свт. Макария Миссия достигла расцвета: за 7 лет (с кон. 1883 до кон. 1890) число крещеных жителей Алтая увеличилось с 10 тыс. до 22,8 тыс. чел., были устроены 57 новых селений для новокрещеных, построены 6 новых храмов. Особым вкладом свт. Макария в дело просвещения народов Алтая стала организация системы школьного образования. К кон. 1890 г. в 33 миссионерских школах обучались ок. 1 тыс. человек.

26 мая 1891 г. свт. Макарий был утвержден в должности правящего епископа Томского и Семипалатинского и освобожден от руководства Алтайской миссией. Несмотря на чрезвычайную обширность епархии (760 тыс. кв. верст), на отсутствие не только удобных, но подчас хотя бы каких-нибудь путей сообщения, в Томской епархии практически не было прихода, где бы паства не видела своего архипастыря. Всегда оставаясь миссионером, важнейшей задачей свт. Макарий считал развитие в епархии духовного просвещения. 23 августа 1891 г. он обратился к епархиальному духовенству с программным воззванием: «Учите ваших пасомых! Учите всех: старых и малых, учите всякий возраст и пол... и в церкви, и в школе, и в доме, и в городах, и в селах, и в деревнях». По инициативе свт. Макария в Томске были открыты начальные церковные школы — при кафедральном соборе, а потом и при других храмах города. К 1911 г. число школ возросло до 935 с 45 тыс. учащихся. В 1891 г. была учреждена епархиальная библиотека, в которой в течение всего года по воскресным дням все желающие могли посещать уроки веры, получать исторические и географические сведения, слушать рассказы о жизни русского общества. Почти во всех приходских церквях и в духовных учебных заведениях Томска были введены внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Занятия сопровождалось чтением молитв, исполнением церковных песнопений и духовных кантов. По инициативе свт. Макария широкое распространение получили сборники духовных песнопений «Первая Лепта» и «Вторая Лепта».

В октябре 1905 г., во время первой русской революции, в Томске произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. Свт. Макарий принимал все зависевшие от него меры, чтобы отвратить народ «от такого дела, противного заповеди Христовой и позорящего имя христианское». Впоследствии в либеральной печати М. обвиняли в «благословении» на совершение беспорядков в Томске, хотя это опровергалось опубликованными свидетельствами очевидцев.

Митрополит Московский и Коломенский

Указом от 25 ноября 1912 г. свт. Макарий был назначен митрополитом Московским и Коломенским, священноархимандритом Свято-Троицкой Сергиевой лавры и постоянным членом Синода. По свидетельству современников, император Николай II почитал свт. Макария как старца и часто называл его «великим подвижником и праведником», «святым угодником Божиим».

Вступление свт. Макария на Московскую кафедру совпало по времени с юбилейными торжествами в честь 300-летия Дома Романовых. Одним из событий, завершивших торжества в Москве, стало освящение свт. Макарием 27 декабря 1913 г. больницы в память 300-летия Дома Романовых и храма-памятника при Покровской епархиальной общине сестер милосердия. На церемонии освящения присутствовала великая княгиня преподобномученица Елисавета Феодоровна.

Свт. Макарий ввел в храмах общенародное пение, в свободное время рекомендовал народу распевать духовные канты. Печатались беседы и поучения митрополита, отличавшиеся простотой и доступностью. Будучи председателем Православного Миссионерского общества, свт. Макарий опекал не только Алтайскую миссию, но и все миссии Русской Церкви.

Определением Синода в 1914 г. Московской синодальной конторе под председательством свт. Макария было поручено произвести суд над монахами-имяславцами, изгнанными с Афона. Прибывшие с Афона иноки после судебного заседания были приняты в церковное общение и с них были сняты наложенные Синодом прещения. Благодаря действиям свт. Макария во время первой мировой войны многие имяславцы получили разрешение на священнослужение в качестве полковых священников. В сентябре 1914 г. по инициативе свт. Макария был образован Московский епархиальный комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам. Митрополит сам неоднократно посещал лазареты и военные госпитали, обходил палаты, раздавал книги религиозно-нравственного содержания, беседовал с ранеными, ободрял и утешал их.

10 июня 1916 г. в Тобольске соборным служением 13 архиереев во главе со свт. Макарием было совершено торжественное прославление свт. Иоанна (Максимовича), митр. Тобольского и Сибирского. Это была последняя канонизация в синодальный период. Из Ставки Верховного Главнокомандующего 11 июня в Тобольск была отправлена телеграмма императора Николая II: «Сердцем и душою был сегодня в молитвенном единении со всеми присутствовавшими на светлом торжестве прославления Святителя Иоанна Максимовича; твердо уповаю на молитвы его о спасении Руси православной и о помощи свыше доблестному

воинству нашему» (Там же. С. 19). После тобольских торжеств свт. Макарий совершил последнее миссионерское путешествие на Алтай.

Гонения

События Февральской революции 1917 г. застали свт. Макария в Петрограде, где он участвовал в заседаниях Синода. В начале марта обер-прокурор Синода В. Н. Львов, назначенный Временным правительством, явился в покои свт. Макария и угрозами вынудил написать прошение об уходе на покой. Обер-прокурор отправился в Москву, где стал всячески агитировать против свт. Макария. Он организовал депутацию от московского духовенства и мирян, которая выдвинула против свт. Макария обвинения в том, что он из-за преклонного возраста не в состоянии управлять епархией. В результате определением Синода от 20 марта 1917 г. свт. Макарий был уволен на покой.

Местом пребывания свт. Макария был назначен Угрешский монастырь в 18 км к юго-востоку от Москвы (ныне в г. Дзержинский Московской обл.). Митрополит поселился в небольшом архиерейском доме, где была малая домовая церковь во имя прп. Сергия Радонежского. В Николо-Угрешском монастыре свт. Макарий прожил почти до самой кончины, подписывая свои письма как «угрешский заточник». В августе 1917 г. он просил у Синода разрешения участвовать в заседаниях Миссионерского отдела Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг., но смог побывать там лишь раз или два.

Как сообщала газета «Известия» от 8 августа 1918 г., во время обыска в покоях свт. Макария было «обнаружено много документов, свидетельствующих о его контрреволюционной деятельности»: воззвание архиерея к православному русскому народу по поводу убийства императора Николая II, воззвание к народу по случаю дня памяти патриарха свт. Гермогена, в котором он призывал народ «восстать на защиту Святой Церкви от насилия большевиков» и другие материалы. 3 октября того же года в покои свт. Макария ворвались вооруженные грабители, похитили митру и 2 ценные панагии, угрожали архиерею и издевались над ним.

Многие люди навещали свт. Макария в заточении и относились к нему как к святому. С особой теплотой старец-митрополит принимал детей из колонии Наркомфина, открывшейся в Николо-Угрешском монастыре в 1918 г. Несмотря на все запреты и угрозы, дети бегали к митрополиту, веря в то, что его благословение помогает во всех затруднениях. Начальница колонии О. С. Дефендова (в тайном постриге мон. Серафима), усердно служившая свт. Макарию до самой его смерти, так описывала эти посещения: «Дети очень любили старца и не боялись его... Все первое, лучшее дети несли Владыке: цветочек, травку, даже снежинку. Птичка,

свечка, котенок — все перебивало у него на коленях, и он ласкал Божие создание своей святительской рукой».

Кончина и прославление

Несколько раз в Николо-Угрешском монастыре свт. Макария навещал патриарх свт. Тихон (Беллавин). 22 августа 1920 г. по предложению патриарха во внимание к 50-летним трудам на Алтае свт. Макарию был пожизненно присвоен титул митрополита Алтайского. Постоянными посетителями владыки были еп. Арсений (Жадановский), который оставил подробные воспоминания о святителе, и известный московский пастырь сщмч. прот. Сергей Мечёв. Большим утешением для свт. Макария стал переезд в Николо-Угрешский монастырь архиеп. Иннокентия (Соколова), прослужившего в Алтайской миссии 53 года: выпущенный из московской Бутырской тюрьмы, он поселился в Угрешском монастыре и был постоянным собеседником митрополита.

В 1925 г., после закрытия Николо-Угрешского монастыря под предлогом расширения размещенного там детского дома и недопустимости соседства правосл. церкви с детским учреждением, старец-митрополит жил в доме М. П. Трагейм в близлежащем с. Котельники (ныне город) рядом с Люберцами. Здесь он и скончался от воспаления легких на 91-м году жизни. 19 февраля 1926 г. архиеп. Иннокентий (Соколов) возглавил в Казанском храме с. Котельники литургию и отпевание. Всего же в последний путь «апостола Алтая» проводили 7 архиереев и 79 священнослужителей. Похоронен свт. Макарий был в ограде церкви с. Котельники.

В 1957 г. патриарх Московский и всея Руси Алексий I благословил перенести честные останки свт. Макария в Троице-Сергиеву лавру. В апреле 1957 г. они были освидетельствованы: гроб истлел, а тело и облачение остались целыми. Святые останки были перенесены в лавру и захоронены в крипте Успенского собора. Ценное свидетельство об этом оставил Варнава (Кедров), в те годы ризничий лавры, а впоследствии митрополит Чебоксарский и Чувашский. В 1988 г. в крипте был устроен престол во имя Всех святых, в земле Российской просиявших.

Архиерейский юбилейный Собор Русской Православной Церкви 2000 г. объявил о прославлении свт. Макария в лике святых. 6 июня 2011 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла были обретены мощи свт. Макария. Первоначально рака с мощами находилась в Троице-Сергиевой лавре, а в 2016 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла мощи святителя были перенесены в г. Горно-Алтайск. Ныне, до времени сооружения каменного кафедрального собора, мощи покоятся в деревянном храме в честь преподобного Макария Алтайского (Глухарева).

ИЗБРАННЫЕ ТЕКСТЫ

Святитель Макарий (Невский) об архимандрите Макарии (Глухареве)

(из статьи «Алтайская миссия в течение восьмидесяти трех лет существования»)

«Архимандрит Макарий, как строитель Божия здания, в достаточной мере обладал и искусством строения, как вторым качеством, требуемым от доброго строителя. От искусного зодчего требуется, чтобы здание было устроено целесообразно, по намеченному плану. Таковой был начертан им впоследствии в особом сочинении его, известном под названием: «Мысли о способах к успешному распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе». Этот план носит в себе отпечаток не только высокого ума и опытного знания, но и духовной прозорливости. Что требуется в этом проекте от миссионеров, сотрудников и сотрудниц его, от целого миссионерского института, то отец Макарий старался хотя отчасти осуществить в своей миссионерской деятельности. Отец Макарий, проектируя, например, что для иноверцев, просвещаемых христианским учением, должно быть переведено слово Божие на родной их язык, и сам положил начало таковым переводам. Требуя, чтобы дети крещаемых были обучаемы грамоте, притом не одни мальчики, но и девочки, он то сам, то чрез сотрудников обучал детей грамоте. В миссионерских школах почти изначала обучаются грамоте не только мальчики, но и девочки. Отец Макарий признавал возможным, полезным и желательным, чтобы в деле миссионерского служения принимали участие лица всякого звания, пола и состояния. И в миссии как при нем, так и впоследствии наравне с юношами – сотрудниками его, взятыми им из духовной семинарии, служили и старец благочестивый из поселенцев, занимавшийся домохозяйством миссии, и старица, ухаживавшая за больными, и образованная девица, обучавшая детей грамоте и приготавливавшая лиц женского пола к Крещению; рядом с женатым священником служил вдовец-священник и иночествующий иерей. Всем было свое место и свое дело. «Если не можешь быть ловцом человеков, – говорил отец Макарий, – то лови рыбу для питания ловцов человеков»».

О миссионерах

(из статьи «Алтайская миссия в течение восьмидесяти трех лет существования»)

«Служение миссионерское, как служение апостольское, есть более всего ряд скорбей, болезней и трудов. Трудно вообще пастырское служение, а миссионерское – по преимуществу. Мы не говорим уже о трудностях миссионерских путешествий, которые доводится совершать редко в экипаже, никогда в вагоне, но нередко пешком, на лыжах, часто верхом, на лодке, под дождем, иногда в снежную метель. Все это – болезни и труды для тела. Но есть страдания большие – страдания души.

Миссионер – страдалец: он страдает душой в начале служения своего от среды, в которую он попадает: там нет ни родной семьи, ни родного общества, ни привычной для него жизненной обстановки. Среди инородцев, сперва чуждых для него по языку, по обычаям, чужой и для них, он чувствует иногда ужасную истому от одиночества; он не обретает здесь человека, с которым мог бы поделиться своим горем, поведать свою скорбь и в дружеском или братском разговоре найти для себя некоторую отраду. Нередко вершины гор или пещеры были свидетелями горячих слез, которые приходилось там проливать скучающему миссионеру, а наипаче юному, одинокому.

Он страдает за юную паству свою, которая ему вручена, и это бывает тогда, когда новокрещенные, еще не утвердившиеся в вере, хромают на оба колена, то стараясь научиться воспринятой ими новой вере, то уклоняясь к старым, языческим обычаям.

Особенно миссионеру больно бывает тогда, когда в юное стадо его вторгаются волки, желающие похитить какую-либо овцу или разогнать стадо.

Эта болезнь особенно чувствительна бывает тогда, когда таковыми волками являются свои родные люди, наши соотечественники, притесняющие новокрещенных, развращающие их или старающиеся возбудить в пасомых недоверие к пастырю.

Немалую тугу для миссионера составляет недостаток материальных средств. Мы застали то время, когда юным делателям на Алтае приходилось все делать своими руками: и огород садить, и хлебы печь, и даже пол мыть. Одежда у них была столь убога, что когда они были посылаемы в ближайший город по делам миссии, то городские жители тотчас узнавали явившегося по одежде его, что он из миссии: на подоле ремки, рукава дырявы, сапоги таковы же».

**Из слова в день восшествия на престол благочестивейшего государя
императора Николая Александровича, 21 октября 1904 года**

Князи не суть боязнь добрым делом, но злым. Хочешь ли не бояться власти? Благое твори, и имети будешь похвалу от него [князя]. (Рим.13:3).

Смысл этих слов таков: начальствующие страшны не тем, кто творит добрые дела, но страшны для делающих злое. Хочешь ли не бояться власти? – Делай добро, подчиняйся закону – и не только не потерпишь какой-либо неприятности от власти, но получишь похвалу от нее.

Не того желает некая часть нашего общества, не к тому направляются мысли молодого поколения нашего времени. Говоря о молодом поколении, мы разумеем ту молодость, которая кипит страстями, шумит, бурлит, как водопад, катится бурной волной, грозя смыть, разрушить все попадающееся ей на пути – все могущее остановить ее.

Эта волнующаяся часть общества, эта волнуемая молодость хочет, чтобы устранено было все то, что может препятствовать их разрушительному стремлению, их порывам куда-то вперед, к какому-то приволью; они хотят, чтобы для них перестала существовать власть, сдерживающая и обуздывающая, чтобы существующая власть была бы как несуществующею. Эта молодость хочет свободы. Она желает свободы мысли, хотя бы то самой неразумной и, как мечты, несбыточной; свободы чувства, хотя бы то самого низменного; свободы действий, хотя бы то разнузданных, разрушительных, гибельных для нее же самой и окружающих ее.

Этот мятущийся род людей хочет такой свободы действий только для себя, а не для других. Кто не разделяет убеждений их, тех они готовы принудить к единомыслию с собой путем насилия. Кто препятствует им приводить в исполнение их злые намерения, против тех они готовы измышлять кровные и разрушительные замыслы....

Можно разномыслящих заставить молчать, скрывать свое разномыслие, но невозможно этой мерой устранить зло оттуда, где находятся корни его, – в уме и сердце разномыслящих. Но кто способен проникнуть в эти тайники существа человеческого? Кто способен дать надлежащее направление мыслям, наклонностям и воле человека? Все это составляет высшую область человеческого существа – область духа. А это такая область, в которую может проникнуть только Высший, Божественный Дух, действующий на дух человека как спасительная благодать. Но чтобы эта благодать начала действовать в человеке, нужно поставить

его под влияние этой благодати и чтобы человек добровольно подчинился действию ее.

А этого можно достигнуть только посредством воспитания. Итак, дело коренного исправления человека, дело прекращения распространяемых смутных настроений сводится к делу воспитания. Оно должно начаться в семье с самого младенчества, продолжаться в детстве, сопровождать юность. Притом не всякое воспитание заключает в себе силу направить сердце и волю к добру, а только христианское воспитание, под осенением благодати, подаваемой через святыне Таинства. Это воспитание, начинаемое в семье, должно перейти в школу; перешедшее в начальную школу, должно продолжаться в средней и не должно оставлять высшую школу.

Мудрец израильский выразил сущность этого воспитания в следующем изречении: *бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека* (Еккл.12:13). Таким образом, в основу воспитания должен быть положен страх Божий и хранение заповедей Его. Каких заповедей? Прежде всего заповедей Десятисловия, сокращенных в две евангельские заповеди о любви: любви к Богу и любви к ближнему.

Кто Бога боится, тот будет и греха беречься. Кто Бога боится, тот будет и родителей чтить. Кто Бога боится, тот будет и царя чтить, и властям повиноваться, как от Бога поставленным.

«Куда нам идти?»

Из слова о веротерпимости в день коронования благочестивейшего государя императора Николая Александровича, 14 мая 1905 года

(Реакция на манифест о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 года)

Чада Церкви Православной! В настоящее время... пред вами стоит вопрос, подобный тому, какой был предложен Господом Его апостолам: не хотите ли и вы отойти? Вопрос, идущий не от Христа непосредственно, но от Святой Церкви Его. Не хотите ли и вы отойти от родившей вас матери – Церкви Православной, чтобы избрать себе иную кормилицу, которая чесала бы слух ваш нежными словами, лестила бы вам обещаниями и пугала бы вас сказочными страшищами?

Вот царскою державною волей пред вами отворена дверь из Церкви, в которой некоторым стало казаться тесно жить, – выбирайте себе любую секту, любое вероисповедание: хотите ли в раскол? – идите туда; хотите ли пристать к сектантам,

в штунду, в пашковщину или иное какое-либо самое новое лжеучение? – идите; насильно вас удерживать не будут.

Почему же такая свобода дается теперь, но не давалась она прежде? Не убедились ли, что в православии нет чистой истины или что во всех толках, во всех сектах, во всех вероисповеданиях одна и та же истина? Отнюдь нет. Православие как было единой истиной, засвидетельствованной от Бога его историей, его святыми, его знамениями и чудесами, таковым оно остается и останется навсегда: истина – в православии, а раскол и сектантство есть отпадение от истины, отделение от единства веры, единства обрядов, отделение, вносящее раздор, вражду, пререкания: все это – не истина, ибо истина одна, двух истин не бывает, как белое не есть в то же время черное и черное не есть в то же время белое.

Если в православии истина, то почему же оно подвергалось такому уничижению? Почему оно как бы приравняется ко всем инославным исповеданиям, ко всем раскольническим толкам, ко всем сектам? Это не уничижение для православия, а освобождение от всего, что ему не принадлежало, что держалось в нем только ради страха или ради корысти; вследствие этого нельзя было узнать, кто истинное чадло Церкви, а кто чуждое для нее детище. Многие только считались православными, а на деле, по душе, они были чуждыми православию; иные даже были врагами и хулителями его: они в душе были безбожниками, сектантами и отрицателями всякой религии, всякой нравственной истины, хотевшими переоценить все ценности добра и истины. Находясь среди православных, именуясь православными, они только служили соблазном для последних.

Ради их злословилось самое православие, порицалась истина, возводилась клевета на Церковь Православную. Враги православия клеветали на Церковь Православную... Не клеветали ли на нее, что, не будь внешней силы закона, не поддерживай земная власть Церкви Православной, дайте свободу проповедникам сектантства, – и Церковь распадется, останутся от нее одни клочки, как выразился один из лжеучителей. И вот Церковь совлачается от всего, что, казалось, сплотило и объединило ее: она лишается всех внешних опор, она предоставляется самой себе. Врата ада – служителям исконного врага Церкви – дается свобода вредить ей всячески; сатана, древний клеветник, развязан... Что же? Не падет ли в самом деле этот столп, не разрушится ли Церковь и не останутся ли от нее только обломки? Было бы так, если бы Церковь была делом рук человеческих, если бы она действительно создавалась людьми, хотя бы то столь сильными, как цари и правители, столь умными, как мудрые отцы и учителя Церкви, и столь крепкими, как святые подвижники. Нет, Церковь – создание Божие, как и вселенная; она непоколебима, как и вселенная, ибо имеет обетование от Создавшего ее: *Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф.16:18).

Итак, чада Церкви Православной, будем тверды, будем спокойны относительно судеб этой матери нашей... Нам нет пути отходить от нее куда-либо, как бы это ни было приманчиво, ибо в Церкви – истина, в ней – спасение, с нею – Христос. Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго, что Церковь – Твоя Невеста, Тобою искупленная, Тобою очищенная, и Ты благоволил сочетать ее с Собою навеки. Она – мать наша. О, даруй нам, Господи, пребывать в лоне ее во все дни жизни нашей, даже до последнего издыхания нашего!

Из слова «За что мы наказываемся»

Золотое сердце было у тебя, русский народ. Как же потемнело это золото? Серебро доброе были твои нравы и обычаи. Как же помрачилось это серебро доброе? Русь святая, что случилось с тобою? Где твоя святость? Кто возвратит нам то благочестие предков наших, которые за веру православную, за дом Пречистой Богоматери, за царя самодержавного, за землю русскую готовы были отдать все – не только имущество, но и самую жизнь? Тогда весь русский народ был как один человек: все думали одну думу, как бы постоять за те устои, на которых стояла земля русская, – за веру, за царя, за народ благочестивый. Все сословия: и бояре и земледельцы, и богатые и бедные – составляли как бы одну семью. Где земледелец, там и боярин; где купец, там и нищий. Настанет ли праздник Господень – и все идут в храм Божий: князь и боярин с сумой для милостыни, и бедняк в лохмотьях, и нищий с протянутой рукой, и земледелец с копейкой трудовой на свечку Богу – все идут в храм Божий, и для всех там было место.

В старину весь русский народ составлял одну семью, у которой была одна вера, одни обычаи. Ныне разделился русский народ. Каждое сословие избрало для себя как бы свою особую веру, свои обычаи. В верхних слоях его – отступление от Бога, отпадение от Церкви, восстание против богоучрежденной власти, крамолы и убийства, подстрекательства к бунту, убийства сановников и других верных царских слуг. В среднем сословии (торговом и ремесленном) поклонение золотому тельцу с забвением о Боге, о правде и чести, о милости. А о простом народе с сожалением должно сказать, что он спился и развратился. Он пропивает свое достояние, свои пожитки; он пьет с горя, пьет с радости, все сделки у него совершаются не иначе как с выпивкой. Если он несет в жертву Богу свою трудовую копейку, то в винную лавку отдает полный рубль. Он сам пьет, и дети пьют, пьют и женщины. Пьянство приводит его к разврату. Мужья оставляют жен, жены покидают мужей и идут за другими. Развращается и молодежь по примеру старших.

Не было в старину такого разврата, как ныне. Усилилось ныне и воровство: один обкрадывает казну и не считает это грехом; этот крадет святыню, обкрадывает церковь. Наемник обкрадывает хозяина, а хозяин не всегда отдает должное наемнику. Обман и клятвопреступление также не стали считаться грехом. Кто только ныне не лжет, кто не обманывает!

Так мы растеряли то сокровище добра, которое скопили наши предки и передали нам как богатое наследие, с которым соединялось Божие благословение. Не потому ли мы теперь терпим неудачи? На окраине нашего отечества идет война столь несчастливая для нас, что как будто Господь отступил от нас и не ходит с нами в войсках наших, предавши нас позору пред народами земли. И при таком унижении мы дерзнем ли сказать: за что, Господи? Ибо знаем, что мы, будучи народом, осчастливленным Богом и удостоенным милости Его преимущественно пред другими народами, обесславили имя Его нашей жизнью.

Несчастливые во внешней войне, мы ведем и внутреннюю войну, которая едва ли не тяжелее внешней. Это – наша внутренняя смута, которая раздирает наш народ, производит застой в работах. Нам грозит опасность прийти в состояние того царства, которое, по Евангелию, разделившись само в себе, не устоит (Мк.3:24). Но при всем том мы как бы не чувствуем ударов, ибо пришли в состояние бесчувствия, подобно больному, пораженному параличом. Бедствие родины, как чужое, не трогает нас, и мы даже при тяжелых ударах говорим: «Не больно нам!» Не для того ли Господь посылает к нам, кроме общего для всей страны бедствия, еще для каждого города и области особые несчастья: в одном месте у нас поварьные болезни, в другом – падеж скота, в третьем – неурожай хлеба несколько лет сряду, в четвертом – волнения молодежи, волнения среди рабочих и другие смуты, грабежи, пожары. Несмотря на это, мы все еще готовы говорить: «Не больно нам» – и продолжать есть и объедаться, пить и пропиваться, играть и проигрываться. По-прежнему пустеют наши храмы и наполняются театры и дома народных увеселений любителями веселья.

Мы не только не чувствуем боли от поражающих нас ударов войны, убийств, мятежей, голода и других бедствий, но как будто у нас веселее стало с тех пор, как на отечество наше стали падать удары.

О, Русь святая! Вспомни свои добрые былые времена! Вспомни и те лихолетья, в которые ты умела прибегать к Богу с молитвой и покаянием и получала себе избавление! Вспомни Забытого тобою – и помолись! Смех твой в плач да обратится; принеси покаяние и плоды, достойные покаяния. Обрати нас... Господи, и мы обратимся (Плач.5:21). А без Тебя мы и сего не можем сделать.

Из писем 1918 года

«Каждый вечер жду похитителей церковных богатств, особенно после последнего посещения меня бандитами, которые унесли дорогие архиерейские украшения: митры, кресты, панагии и проч. Не столь жаль вещей, сколь неприятен отвратительный вид похитителей, их чрезмерные грубость и дерзость. Во времена нашествия монголов на Русь духовенство и иноки не испытывали столько оскорблений и лишений, сколько испытывают от несчастных христиан, богоотступников нашего времени...

Живу, каждый день готовясь к тюрьме или к худшему того. Старость, недоедание, беспокойства, опасность за жизнь – берут свое. Ноги слабеют, встаю с постели, пошатываясь, ноги шаркают, хожу, боясь споткнуться. Душевное состояние было бы безотрадное, если не надежда на жизнь лучшую за гробом, по обетованию Господа.

Церковь у нас в великом гонении. Верно, так Господу угодно. Уже не последние ли дни доживает мир?! Нас пока питает христианская любовь. Москвичи приносят съестное на своих плечах. Спаси их, Господи! Большую часть ночи проводим впотьмах. Керосину нет. Свечи чрезмерно дороги, но все-таки благодетели понемногу приносят.

По молитвам вашим, т. е. твоим и подобных тебе боголюбивых душ, – телом не болею, сколько возможно это для 84-летнего возраста; более ощутительны страдания духа. Но и они смягчаются упованием на Господа и преданностью в волю Его. И сие также от Господа. Желал бы приобрести дух того, кто говорил: «Для меня жизнь – Христос, а смерть – приобретение». У меня все могут отнять, но не отнимут Христа. О, если бы я мог всегда так говорить, даже во дни искушения! Ваши молитвы да помогут мне и в этом.

Цитаты из статьи в газете «Известия» от 9 августа 1918 года

Из обращения по случаю страдальческой кончины бывшего государя императора Николая II (расстрелян 17 июля 1918 года)

«Не стало верного сына Святой Православной Церкви и ее милостивого оборонителя. Не стало Того, имя которого было для одних священо, для других — страшно, для иных — ненавидимо. Нет того, кого некогда встречали радостно,

как царя, как евреи Христа, с криками восторга, а потом распяли... будем же молиться об упокоении души благоверного сына Церкви, потомка царственного дома Романовых».

Из воззвания к православному русскому народу

в день прославления патриарха Гермогена

(Согласно статье, свт. Макарий призывал народ «восстать на защиту святой Церкви от насилия большевиков»)

«Встань же, встань же наконец, православный русский народ, послушай голоса своего первоиерарха, преемника святейшего патриарха Гермогена, и соберись на защиту царствующих твоих градов».